

Евгений Цепенюк

Куда глаза не глядели

Евгений Цепенюк
Куда глаза не глядели

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Цепенюк Е.

Куда глаза не глядели / Е. Цепенюк — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Эта сказка начинается там, где другие обычно заканчиваются: Прекрасный Принц таки женился на своей Отважной Принцессе. И что теперь может пойти не так?.. Во-первых, не "что", а "кто"! И, во-вторых, не то, чтобы "пойти", а скорее - "сбежать". Ну или ладно уж, "отправиться в странствие". Человеческий фактор, что ни говори - он остается решающим и там, где широко представлены гоблинский, гномский и даже драконий факторы.

Ну вот, Прекрасный Принц таки женился, а жизнь на этом не кончилась. Скорей уж наоборот: жизни в нём стало больше, гораздо больше – так что он даже слегка раздался в щеках.

Одна лишь единственная загогулина выделялась на фоне переполнявшего его счастья: та же самая любовь, благодаря которой изнеженный юноша наконец-то почувствовал себя настоящим мужиком (разумеется, в смысле принадлежности не к низшему сословию, но к древнему и славному мужскому роду), теперь изводила его комплексом неполноценности.

Мало того, что его избранница славилась, помимо своеобразной, но бесспорной красоты, ещё и умением метко стрелять, виртуозно фехтовать и держаться в седле. Так она ещё и сумела, в бытность свою принцессой, найти этим своим навыкам достойное применение, совершив пару подвигов – пусть не слишком эпических, зато высоко оцененных подданными. Прекрасный Принц же, вернее, теперь уже просто король Пеон II, ничем таким похвалиться не мог. И сколько бы супруга не уверяла, что в её глазах он – самый разгеройский герой, ему самому этого было недостаточно.

Раньше, когда Пеон не видел ничего прекрасного ни в себе, ни в окружающих, два мира, – тот, в котором действовали герои любимых книг во главе с отважным сэром Дубиной по прозвищу Молот Справедливости и этот, в котором приходилось жить, – существовали не пересекаясь, каждый сам по себе. Теперь же, убедившись, что идеал вовсе не обязан быть абстракцией, он с каждым днём всё острее чувствовал диссонанс между тем, кем себя считал, и тем, кем хотел бы себя видеть.

Из такой ситуации известно всего три выхода: запить, нанести визит психоаналитику или же, наконец, взять да и совершить какой-нибудь настоящий подвиг.

Первый вариант был для Пеона неприемлем по причинам чуть ли не физиологическим. Что до психоаналитиков, то они в Призаморье, конечно, водились, да только и слава за ними водилась такая, что лишь самые отчаявшиеся головы совалились в мрачные лабиринты Подсознания. Там у них, по слухам, отбирали всё, что накопилось в душе, оставляя лишь два непреодолимых стремления: к размножению и к смерти. «Нет уж, – рассуждал Пеон бессонными ночами, – лучше уж к монстру в пасть с копьём наперевес! Хотя... проще и быстрее – но ничуть не лучше: много ли насражаешь, будучи от рождения и по воспитанию утончённым хлюпиком? Способности к изящным искусствам, приятная внешность, хорошие манеры – все эти мнимые достоинства ничего не значат пред мордой даже не особо крупного великана...».

На что же полагаться тому, кому недостаёт ни решимости, ни силы, ни хотя бы хитрости? Только на удачу. Вот и нашему герою только и оставалось, что прибегнуть к последнему, специфически сказочному средству, а именно – отправиться куда глаза глядят. Что он, в конце концов, и сделал. Почти что в точном соответствии с традицией, то есть не то, чтобы именно на рассвете, но всё-таки с утра. А также налегке, в одиночку, инкогнито и никому не сказавшись (но оставив записку) – так что только старая кухарка, насыпавшая свежеиспечённому искателю приключений полную котомку пирожков, да конюх, да стража у ворот... а больше никто и не узнал об его отбытии до самого завтрака.

Пеон любил свою столицу и был уверен, что она отвечает ему взаимностью. Всякий раз, как ему случалось надолго покидать Залужанск, город прощался с ним, а по возвращении встречал. Вовсе не праздничными толпами с цветами и транспарантами, хотя, конечно, и не без этого. Горожане приветствовали его по-своему, город – по-своему: неслышно, незримо и невыразимо на словах, но оттого не менее отчётливо. Молодой король не утратил дар слышать его голос потому, что не успел ещё выучиться той особой форме любви к родине, при которой граждане представляются важной, но, в общем, необязательной частью неодушевлённого пейзажа. Наоборот: лавки, храмы и подворотни были для него таким же живым существом, как ремесленники, нищие на паперти и бродячие собаки.

Но сегодня утренний город занимался своими делами, словно бы не замечая одинокого всадника в сером плаще. Поразмыслив, Пеон не стал обижаться, решив, что Залужанск понял его отчаянный замысел, одобрил и поддержал, включившись в игру. А всё-таки не удержался: выехав за ворота, обернулся и помахал рукой флагу на башне. Флаг встрепенулся, захлопал полотнищем под набежавшим порывом ветра, и Пеон счёл это добрым знаком.

Уже почти проехав раскинувшийся сразу за воротами беспешинный рынок, Пеон сообразил, что забыл дома меч. Возвращаться, конечно, было уже поздно, хоть и плохая это примета – отправляться в путь безоружным. Но, по счастью, о мече он вспомнил не просто так, а под воздействием воплей, исторгаемых одним из торговцев:

– А вот кому волшебный меч! Только у меня, только сегодня! Волшебный меч, такой лёгкий, что вы совершенно не почувствуете его веса на поясе! Несравненно надёжный! Вам больше не придётся самостоятельно заботиться о своей безопасности: предоставьте это волшебному мечу! Подходите прямо сейчас, и в придачу к волшебному мечу, вы получите эти великолепные ножны!

Богато, но безвкусно изукрашенные острокрылыми силуэтами ножны были почему-то пусты. И размахивавший ими тип выглядел весьма подозрительно: чего стоили хотя бы униженные перстнями холёные пальцы, не говоря уж о непроглядной тени, скрывавшей лицо под капюшоном. Но Пеон всё равно подъехал поближе и поинтересовался, стараясь казаться не слишком вежливым:

– И почём у тебя эти мечи?

– Не «мечи», а уникальное предложение! В любом другом месте оно наверняка стоило бы жизни, и не одной, но сегодня, в рамках акции, – торговец понизил голос, – только для странствующих персон королевской крови... Специальная цена: все деньги с кошельком!

Надо сказать, магическое оружие и в самом деле частенько обходилось ох как недёшево. К примеру, пеонов родной дед, король Железная Крыша, когда-то отдал полкоролевства за свой не знавший пощады клинок по имени Ястреб... потом, правда, с его помощью завоевал вчетверо большую территорию. Опять же, считать деньги бывший Прекрасный Принц не умел и не любил – в общем, названная цена показалась ему вполне справедливой.

– Беру!

Ловко подхватив брошенный кошель с монетами, торговец недоверчиво взвесил его на ладони и поинтересовался:

– А в карманах ничего случайно не завалилось?

– Да вроде не должно! – смутился Пеон, и принялся для верности охлопывать себя по карманам. Станный же человек в капюшоне, воспользовавшись замешательством покупателя, свободной рукой начертал в воздухе некий знак, превратился в облачко пыли и начал стремительно развеиваться.

– Эй, куда же ты, я ведь заплатил! – возмутился Пеон, но в ответ из пустоты донеслось лишь «Доставка в течение суток!».

При иных обстоятельствах молодой король немедленно поручил бы кому следует найти мошенника и как следует с ним разобраться. Но при сложившихся – только пробормотал сквозь зубы, что, мол, на то оно и путешествие: глядишь, еще повстречаемся... при других обстоятельствах. И пришпорил коня.

Насколько насыщенным выдалось утро – настолько же скучно прошёл день. Пеон ехал по большой дороге, периодически останавливаясь, чтобы полюбоваться особенно идиллическим пейзажем, перекусить... и так до самого вечера: ровным счётом ничего интересного. Понемногу он заскучал – пока что не по дому, а так, от однообразия. А когда солнце начало клониться к закату, решил, что настоящие искатели приключений так себя не ведут, и решительно

свернул на первый же просёлок. С него – на другой, с другого – на третий... И где-то на одном из этих просёлков потерял представление о своём местонахождении.

Уже в сумерках он подъехал к здоровенной каменной глыбе, торчащей из земли рядом с очередным перекрёстком. На обтёсанном боку виднелись надписи, большей частью, увы, нечитаемые. За исключением одной, намазюканной самосветящейся краской прямо поверх древних рун: «Налево поедешь – голодным останешься! Направо поедешь – в стогу заночуешь! Прямо поедешь – буквально через четверть часа на постоялый двор «Царский рай» попадёшь! Самое свежее пиво, самые мягкие перины, небывалый комфорт!».

Насчёт четверти часа сладкоречивый вандал не обманул. А вот насчёт комфорта – увы, запущенный вид строений и неприветливость бородатой хозяйской рожи особого доверия не внушали. Но успевший утомиться путник особо привередничать не стал – только поинтересовался, найдётся ли для него отдельная комната.

– Если никого больше нелёгкая не принесёт, то будет отдельная, – осклабился бородач.

– А если принесёт? – недопонял Пеон.

– Тогда будет двухместная.

– А если я заплачу за оба места?..

– Ух ты, заплатит он! А может, ещё и ужин в постель желаешь? Да чтобы дочурка моя принесла, на блюде с голубой каёмочкой?!

– От ужина не откажусь, только я бы предпочёл за столом... или это была шутка?

– Это была угроза! Да ладно, шутка. Нет у меня дочери... сыновья только, да и те в отлучке.

Пеону показалось, что хозяин добавил себе под нос ещё что-то вроде «...на твоё счастье», но очень неразборчиво.

– Чего-чего, простите?

– Не расслышал, что ли?

– Не расслышал.

– А я специально сказал так, чтобы ты не расслышал. Ладно, будет тебе ужин.

Еда оказалась на удивление съедобной, обе постели – мягкими и, вроде бы, без клопов. Пеон выбрал левую, принял горизонтальное положение и, проваливаясь в сон, успел только подумать, какое же это утомительное, однако, дело – поиск приключений.

– Эй, сосед, ты чего, спишь, что ли? Ты это дело брось! Вставай давай, пивка выпьем.

Пеон натянул одеяло на голову, но от этого голос, хрипловатый и очень уверенный, зазвучал не намного тише.

– Я сплю. Сам пей.

– Ну ты неправ! Вот тут ты капитально не прав. Одному пить нельзя, так и запомни накрепко. А то сопьёшься в два счёта, и всё – ты никто, и звать тебя никак.

– Ну не пей, значит. Да что хочешь делай, только не буди.

– Во даёт! Ладно бы я напрашивался, а то ведь угощаю... Ты откуда такой настырный взялся?

– Из Залужанска, – буркнул Пеон. – И это не я настырный, а ты.

– Да ну?! Из Залужанска, в таком камзольчике, да налегке?! Что-то ты темнишь. Или ты принц какой-нибудь странствующий, или разбойник. А на разбойника ты не похож. Хозяин наш похож, но не о нём сейчас речь. Так ты кто по жизни-то?

– Художник, – эта ложь на самом деле была почти что правдой: Пеон, действительно, брал уроки живописи и даже не раз удостоивался похвалы самого профессора Золотобуха.

– Ну, это, скажем, не профессия. Такое много кто про себя заявить может. Даже я вот, к примеру.

– Рисую я. За деньги. Людей. Художник-портретист.

– Это другое дело. А ты чего же из Залужанска-то своего уехал? Всех там нарисовал уже, что ли?

– Учиться уехал. Квалификацию повышать. В имскую Академию.

– Ишь ты! Ну и зачем тебе сдался этот Имск?! Чего тебе там такого хорошего повысят? – отвечая односложно, Пеон рассчитывал поскорее истощить любопытство назойливого соседа, но с последним ответом явно не угадал. – Я вот как считаю: всё, что художнику нужно – это талант. И натура. Вот у природы-то и учишься. И никуда для этого ездить не надо. Или там, в Академии, люди какие-то особенные? Учебные, специально для рисования?

– Вообще-то, да. Так и называются – натурщиками...

Пеон, поняв, наконец, что выспаться сегодня не судьба, сел на кровати и протёр глаза. Принесённый нелёгкой однокомнатник на вид вполне соответствовал своему голосу: крепкий, жилистый мужчина лет тридцати с небольшим, одетый просто и безвкусно, зато практично. Рука с коротко оструганными ногтями, сжимавшая кружку, наверняка была тяжёлой. А лицо, вылепленное с грубоватой небрежностью и к тому же украшенное парой глубоких шрамов, казалось бы суровым, если бы не широко оттопыренные уши.

– Вот это, наконец-то, правильное поведение. Давай, поднимай ёмкость. И не беспокойся ты попусту – мне тоже с утра в дорогу, сам понимаешь, так что вот кувшинчик оприходуем – и на боковую. Тебя как зовут?

– Пеон, – имя своё, не слишком редкое, король не счёл нужным изменять, умолчал только о порядковом номере.

– А меня – Ястреб. Ну, значит, будем знакомы.

Пеон, как полагается, в первый приём опорожнил полкружки.

– Ну, и как? Ведь неплохое же здесь пиво, верно?!

– Неплохое. Хотя, на мой вкус, горьковатое.

– Зато не кислое. Так вот... ну, научат тебя, как правильно натурщиков этих рисовать, а живых людей изображать ты тем временем разучишься. И кто ты после этого будешь? Да никто, и звать тебя никак.

– Вот уж не думал, что повстречаю здесь дипломированного искусствоведа.

– Ха! – Ястреб почувствовал иронию, но смущаться и не подумал. – У меня, чтоб ты знал, такая школа за плечами, что никакие дипломы не заменят. Ты такого и не знаешь, что я повидал. Да лучше тебе такого и не знать. Так что ты со мной лучше не спорь, а слушай и воспринимай правильно.

Пеон, назвавшись простолюдином, был готов стоически переносить простецкое обращение, но не до такой же степени!

– Само собой, что в целом твой жизненный опыт богаче моего. Но согласишься, что опыт бывает разным. И есть всё-таки вещи, в которых я разбираюсь лучше...

– Опыт, – Ястреб сделал выразительную паузу, разливая по новой, – если он, конечно, правильно усвоен, позволяет смотреть в самую суть вещей. А суть у всех вещей одна и та же. Но понимание этого факта приходит тоже с опытом. Ну что, осознал свою неправоту?

– Да как-то не очень.

– Это у тебя тоже от недостатка опыта. Ничего, я сейчас на примере объясню. Вот знавал я одного астролога-самоучку. Он, наверное, всего один такой на свете и был: гадание по звёздам – это ведь, чтоб ты знал, наука серьёзная, ей по много лет в университетах обучаются. Зато, когда выучатся – могут уверенно предсказывать что угодно в любое время суток, и даже вообще никогда глаза к небу не поднимая, по одним только расчётам. А этот парень, – Поленом его звали, – сам в своей деревне до всего дошёл, по наитию да по книжкам, что продаются на ярмарках. И поэтому ему обязательно нужно было сначала поглядеть на звёзды своими глазами (телескоп он тоже на ярмарке купил и доработал не без помощи кузнеца). Лишь тогда он мог задавать звёздам вопросы, а они ему нашёптывали ответы.

Метод, конечно, дикарский, но ему позволял достигать исключительной точности предсказаний. А главное – конкретности. То есть, к примеру, вместо «привычные, казалось бы, действия могут привести к неожиданным последствиям» – «не ходи сегодня в кабак, не то напѣшься в хлам, начнешь всем хамить и получишь по морде».

Со временем Полено прославился в местном масштабе, начал пользоваться уважением земляков. Ни одно важное дело не затевалось без его консультации. Да только какие там, в провинции, могут быть важные дела – одни только свадьбы, посевы, мелкие торговые сделки... а ему вдруг захотелось настоящего размаха.

И отправился он ко двору. А при дворе уже и так уже тесно от всяческих гадателей и просто провидцев, и дипломы у них один другого краснее. Посмеялись, конечно, но потом, видя настойчивость, сжалились. Дали простенький тест на профпригодность и времени до утра. Полено еле дождался ночи, залез на какую-то крышу, прильнул к окуляру... смотрит, а светила над городом – все до единого незнакомые. Вроде бы находятся на тех же местах, излучают в том же спектре, но все такие важные, надутые, фамильярности не терпят: любые вопросы – только в письменной форме. Знаться с неучем не желают...

В общем, домой он так и не вернулся – стыдно. Поступил в итоге всё-таки на королевскую службу. Только уже не астрологом, а шутом. Хотя у шутов, надо сказать, возможности для верчения судьбами тоже немаленькие... Но смысл уже не в этом. А в том, что столичные художники нужны в столице, а в Залужанске – нужны залужанские. Сумеешь сделаться столичным – в столице и останешься, а не сумеешь – так там и пропадёшь совсем. И будешь ты никто, и звать тебя никак.

– Пример, конечно, яркий, но нетипичный, – возразил Пеон. От прилагательного «столичный» на него повеяло духом старинных авантюрных романов, главные герои которых, прибыв из глубокой провинции, покоряли Имск своей предприимчивостью, отвагой и прочими несравненными достоинствами. Увы, но жанр естественным образом зачах тогда же, когда бывшее Сердце Призаморья утратило функции финансового и административного центра (взамен Имск приобрёл у приморского Уширска, с небольшой доплатой, репутацию средоточия культуры).

– И вообще, – всё более воодушевляясь, продолжал Ястреб, – если ты молодой, здоровый и с амбициями, то за каким чёртом тебя вообще несёт в эту столицу! Меч в руки, задницу в седло – и вперёд! Совершай подвиг, выручай из беды какую-нибудь принцессу, женись на ней, становись королём! Знаешь, сколько у нас принцесс спасённых да королевств бесхозных?..

О существовании бесхозных королевств Пеону приходилось слышать и раньше – в основном от военного министра. Тот, правда, под «бесхозностью» подразумевал вовсе не отсутствие законного властителя, а слабость обороны. И потом...

– Ну не всем же быть королями! Должен кто-то и землю пахать, и дома строить, и картины писать. Подданных государству нужно много, а государь – всего один.

– Само собой. Быть королём получится не у всех. Но попытаться должен каждый!

– Несчастное то королевство, где каждый стремится стать королём!

– А то, где никто не хочет быть королём – ещё несчастнее... Так, а пиво у нас уже кончилось. Сбегай-ка за новым кувшинчиком. Снизу, я слышу, шум какой-то доносится – значит, тоже не спят.

Утихнувшее было раздражение всколыхнулось в Пеоне с новой силой.

– Я тебе, между прочим, не оруженосец! Чего раскомандовался?!

– А я, между прочим, и не командую. Пока что. Я по-человечески прошу. А ты, как младший, – по возрасту уж точно, – мог бы и сам субординацию проявить.

Упрёк, с учётом обстоятельств, подействовал.

– Ладно, схожу. Но только за одним кувшином!

Хозяин, действительно, не спал. Шумел он, правда, уже не так сильно, но всё равно достаточно громко, чтобы с лестницы можно было легко расслышать каждое слово:

– Короче, ещё раз узнаю – своими руками придушу обоих! Всё поняли?!

Двое юношей вызывающего вида, – крестовидные серьги в ушах, мешковатые бархатные куртки, сплошь обшитые кружевами, нечеловеческих размеров гульфики, – дружно склонили повинные головы.

– Тогда клянись! И не так, как в прошлый раз. Руки – перед собой, чтоб я видел!

– Мы, папа... – начал было тот, что повыше да пошире в плечах, но тут второй резко вскинулся:

– А кто это там у нас ступенями скрипит?! Ну-ка, выходи-ка на свет!

Пеон, между прочим, и не думал подслушивать – просто остановился, раздумывая, уместно ли прерывать семейный разговор.

– Добрый вечер. Нацедите, пожалуйста, кувшин пива.

– Чего-чего?! – неадекватно набылчился брат-здоровяк. – Какого ещё тебе пива?! Ты кто, вообще, такой?!

– Не горячись, Ствол, – голос меньшего из братьев теперь так и сочился елеем. – Неужели ты забыл? Наш папа занимается гостиничным бизнесом. Значит, это у нас постоялец. А постоялец всегда прав, даже если среди ночи спускается в холл, чтобы потребовать пива. Поэтому с ним надо вести себя учтиво. Правда, папа?

– Ты, засранец, соскользнуть с темы даже и не надейся, – хозяин вытащил из-под стола, сколоченного в виде грубого подобия барной стойки, пузатый бочонок. Наклонил бочонок над кувшином. Перевернул. Встряхнул. Помрачнел ещё больше (насколько это вообще было возможно).

– Что, неужели уже пустой?! А давай мы со Стволом сбегает по-быстрому за новым? Нехорошо ведь постояльцу отказывать! Дай нам только ключи от подвала...

Проигнорировав предложенную помощь, бородач молча сгрёб тару под мышку и скрылся за дверь.

– Не доверяет он нам, – развёл руками названный засранцем. – Любит, но не доверяет. Что поделаешь, проблема отцов и детей... Меня, кстати, Стебель зовут, а это мой старший брат – Ствол.

– Пеон, – представился Пеон.

– Как же тебя, Пеон, в нашу глушь занесло? И откуда, если не секрет?

– Из Залужанска, по пути в Имск.

– Неужели из самого Залужанска?! – завосхищался Стебель. Пеон даже испугался – а ну как начнёт выискивать общих знакомых, но обошлось. – Я, правда, сам там ни разу не был, но наслышан... Это ведь, кстати, неправда, будто у вас там гоблины прямо по улицам ходят?

– Конечно, неправда! Кто тебе такую чушь рассказал?

– А я так и думал! Мало ли чего досужие люди болтают. Кстати, о досуге. Папа минут через пятнадцать вернётся, не раньше. Надо бы тебя как-то развлечь на это время... Как насчёт партии в кости?

– Спасибо, конечно, но я не играю.

– А почему?! – совершенно искренне изумился Стебель, извлёкая из-за пазухи складной кожаный стаканчик и пару кубиков, – Правила-то простые. Есть, конечно, продвинутые варианты, но можно ведь и по-любительски, в чёт-нечёт... Да мы сейчас покажем. Ну-ка, Ствол, загадывай!

– Нечёт. Я всегда сначала на нечёт ставлю, – очень серьёзно пояснил старший брат.

– Один загадывает, другой мечет – всё по-честному... Ну вот, выпали тройка и четвёрка – в сумме семь, нечёт. Значит, он выиграл. Вот и всё! Ну, так как, чёт или нечёт?

– Но это же азартная игра... – проямлил Пеон.

– «Азартная» – это, буквально, значит всего-навсего «интересная»! И потом, я же не на боги весть что играть предлагаю, – Стебель, погромев содержимым стаканчика, перевернул его, прижав к столешнице, – А на просто так.

– Ну, разве что если на просто так...

– Чёт или нечёт?

– Чёт!

Стебель поднял стаканчик. Кубики усталились на Пеона гранями с четырьмя... и, кажется, пятью точками? Точно, пятью.

– А ты ведь нас, наверное, обмануть пытался, – добродушно усмехнулся Стебель, сгребая кости. – Вовсе ты не в первый раз играешь.

– Почему это?

– Потому что новичкам везёт. А тебе вот – не повезло.

– Сейчас точно повезёт! Давай теперь нечёт.

– Ну, давай. Почему бы и нет. А что на кон ставишь?

– Как что?! – не понял Пеон. – Мы же на просто так играем.

– Простотак свой ты уже продул, – подняв глаза, Пеон обнаружил, что усмешка на лице Стебля сменилась ухмылкой, а в прищуренных глазах играет злой огонёк. – Только не говори, что в Залужанске не знают, что это значит.

– Лично я – не знаю.

– А зачем тогда ставил? Ладно, консультация для лохов сегодня бесплатная: «просто-так» – это «все деньги с кошельком».

– Но... ведь надо же предупреждать!

– Незнание закона не освобождает от ответственности. Верно, Ствол?

– Проиграл – плати, – пробасил Ствол, незаметно очутившийся у Пеона за спиной.

Пеон почувствовал в коленях противную слабость.

– Да вы что, ребята?! У меня и денег-то нет, и даже кошелька. Меня как раз сегодня утром на рынке облапошили. Мне ехать ещё далеко...

– А вот твои проблемы нас не интересуют, – отрезал Стебель. – Хотя стоп! А как это ты собирался без денег расплачиваться за ночлег и за пиво? Ты что же это, папочку нашего обмануть хотел?! Да ты, оказывается, просто жулик! Вовремя мы тебя на чистую воду вывели...

– Колечком рассчитается, – предложил Ствол, приставляя к пеоновой шее что-то холодное и острое.

Лишаться обручального кольца было никак невозможно. Продавать жизнь – дорогогато получится за дурацкий должок. Рассчитывать – не на что...

«Вот и вся моя сказка, – успел подумать бывший Прекрасный Принц. – И звать меня никак...»

– Что это у вас тут происходит? – вкрадчиво и в то же время грозно осведомился откуда-то сверху знакомый голос. – Какие-то претензии к моему оруженосцу?!

Ехали молча. Пеон постепенно переваривал пережитое, его великодушный спаситель то ли размышлял о чём-то своём, то ли проявлял деликатность. Что, конечно, вряд ли – но Пеон уж и не знал, чего от него можно ожидать. Возможно даже, что в силу пресловутого опыта он уже не нуждался в вопросах вроде «Как же это тебя угораздило»...

– Как же это тебя угораздило-то? – спросил Ястреб, – Ты же пиво сразу заказал – значит, мы за него, считай, заплатили.

– Ну не брать же с собой кувшин!

– Так перелил бы во флягу.

– Но ты же сам торопил, мол, поехали скорее отсюда...

– Да перестань ты оправдываться! Вообще никогда не оправдывайся. Если прав – значит, прав. А если не прав... Тогда всё равно молчи – за правого сойдёшь.

– Я не оправдываюсь, а объясняю!

– Ну вот, опять, – Ястреб тяжело вздохнул, – Ты когда-нибудь про разбойника Соловья слышал?

Пеон пожал плечами.

– Ну конечно, откуда тебе... В общем, был такой профессионал с большой дороги. Прославился тем, что, в отличие от большинства коллег, никогда не брал на дело ни дубины, ни топора, ни даже ножа. Орудовал исключительно силой убеждения. Выходил как бы случайно из кустов навстречу путнику, спрашивал что-нибудь совершенно безобидное, заводил разговор. Слово за слово – и как-то так получалось, что путник перед Соловьём оказывался сильно виноват. Причём сам потом не мог вспомнить, в чём конкретно, но угрызения совести испытывал страшные. Сначала начинал оправдываться, потом извиняться, потом – каяться. И, в итоге, безо всякого насилия сам отдавал разбойнику всё своё добро в качестве компенсации.

Никого Соловей не щадил, и никто перед ним не мог устоять – ни купец, ни мудрец.

Когда совсем уж житья от него не стало, король придумал хитрый план: объявил состязание по красноречию. Главный приз пообещал тому, кто соврёт всех нелепей, но при этом убедительнее. А по периметру площади, на крышах, тайно расставил самых метких лучников с заданием: победителя – сразу же на месте пристрелить. И уши им на всякий случай приказал залить воском.

Соловей понимал, конечно, что это ловушка, но удержаться не мог. Переделся монахом, прибыл в город, принял участие... А как раз в это же время Безумный Император объявил себя повелителем всего Призаморья и начал рассылать во все концы глашатаев с первыми указами. И вот один такой глашатай на свою беду прибыл в город как раз во время состязания. Его-то и объявили лучшим вруном – ну и поступили с ним соответственно. А настоящий разбойник занял только второе место и ушёл ни с чем, зато живой.

В общем, не было на Соловья никакой управы. Хотели уж объявить его народным героем, но не успели. Случилось вот что: ехал к королю на службу новый шут. Известнейший дурак – шутка про хлопок одной ладонью от него пошла. Да я тебе про него уже рассказывал – Поленом его звали. Так вот, то ли Соловью осёл дурацкий понравился, то ли бубенцы золочёные на колпаке, но вышел он, как обычно, на дорогу, и завёл свой разговор. Дурак, разумеется, и пяти минут не продержался – заплакал и сказал: так мол, и так, добрый человек, вижу, что причинил я тебе много горя и страданий. И чтобы хоть как-то всё это загладить, отдаю тебе самое дорогое, что у меня есть. То, с чего живу. Свою глупость. И отдал.

И всё: был разбойник Соловей – стал никто, и звать никак.

– А почему же он сам в шуты не пошёл? – удивился Пеон, – С его-то красноречием мог бы сделать неплохую карьеру.

– Несмешной он был.

– А с шутком что случилось?

– Устроился к тому же королю советником... Ладно, разъясни-ка мне, кстати, вот что. Ты, кроме как рисовать, ещё на что-нибудь годишься?

– В смысле?

– В смысле на пропитание зарабатывать. Мы же с тобой теперь оба вроде как без средств к существованию.

Пеон поёжился от неловкости.

– Да хватит уже пережёвывать! Мне этот кошелёк всё равно не нравился: вроде и не дырявый, а золото в нём никогда надолго не задерживалось.

Не переживать у Пеона не получалось. Мешала, в частности, привычка вознаграждать людей, заслуживших его личную признательность, по-королевски. То есть быстро и щедро. Что

в данном случае было невозможно. Точнее, возможно, но... Поскольку королевская сокровищница располагалась в королевском дворце, то, чтобы попасть в неё, сначала необходимо было вернуться обратно в Залужанск. Но в таком случае дальнейшие поиски приключений наверняка пришлось бы отложить на неопределённый срок... Хотя, вообще-то, некоторая часть пеонова рассудка полагала такой исход наилучшим. Короче говоря, великодушные и малодушные с редким единодушием продиктовали Пеону следующую реплику:

– Слушай, а почему бы нам не сделать небольшой крюк? Завернём ненадолго в Залужанск... к моим родственникам.

Ястреб выразительно вытаращил глаза:

– Небольшой, говоришь?!

Не было такого синонима к слову «идиот», которым Пеон отказался бы наградить себя за то, что накануне не изучил внимательно все надписи на древнем каменном указателе. Потому что, как выяснилось, за объявленные пятнадцать минут он незаметно для себя пересёк всё Призаморье, и теперь от дома его отделяли многие недели обратного пути.

Ястреб философски пожал плечами – оттуда ли, мол, отсюда ли, а до Имска всё равно далеко. И вдруг предложил: раз уж Пеона так сильно тяготит долг, то его ведь можно и отработать.

– Вот кстати, скажем, в качестве оруженосца. Как раз за пару-тройку недель, пока не доберёмся до Имска. Нам с тобой ведь как раз по пути. А искать приключений на две головы не только веселее, чем на одну, но и безопасней. И потом, я, может, сто лет уж мечтаю об оруженосце! – тут Ястреб вдруг поперхнулся и зачем-то поспешно добавил:

– Это фигура речи такая.

В должности оруженосца не было ничего зазорного, более того, многие популярные герои, в том числе и благородного происхождения, начинали с неё свой славный путь. Пеон подумал и согласился.

Проблема с долгом, таким образом, благополучно решилась, но был ещё один вопрос, никак не дававший покоя свежеиспечённому оруженосцу:

– Слушай... а тебе не кажется, что эти братья были очень уж похожи на разбойников?

– Вот и я думаю! – иронично подхватил Ястреб. – Для странствующих комедиантов ножики у них что-то уж больно острые.

– Но тогда... тогда почему мы так запросто оттуда уехали?!

– Потому что я бы не удивился, если б ночью эти клоуны нас зарезали спящих. Или я неправильно понял вопрос? Ты хочешь знать, почему они нас так запросто отпустили? Потому что я был крайне убедителен, мог бы и обратить внимание. Или ты, – теперь недоумение в его голосе звучало искренне, – предпочёл бы затеять драку?!

Был бы Пеон из породы драчунов – спал бы сейчас спокойно в своей постели, вместо того, чтоб мотаться по всему Призаморью в поисках подходящего Приключения. Но с другой стороны, разгром разбойничьей банды – это же первый подвиг, совершённый легендарным сэром Дубиной по прозвищу Молот Справедливости, которого и романисты, и менестрели единодушно называли достойнейшим из всех, достойных подражания!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.